

Путевой обходчик

Знать и верить

Повседневная жизнь — лучший
показатель нравов человека.

*Блез Паскаль,
французский математик, физик,
литератор и философ*

1.

На переезде обходчика обогнал плуговой снегоочиститель — ЦУМЗ. Обходчик несколько раз видел, как прикреплённый к толкающему его паровозу плуг веером отбрасывал летящий из-под него снег на несколько метров от пути.

— Прямо как ледокол режет, — сказал, увидев работу снегоочистителя, старший мастер. — Ты смотри, браток, осторожно, отходи подальше, когда ЦУМЗ идёт. Не то засыплет с головы до ног.

Несколько раз обходчик попадал под снеговал, будучи на трассе. Его, конечно, не засыпало ни с головы до ног, ни с ног до головы, но если машинист не сбавлял хода, увидев его, и сам обходчик не успевал сбежать с пути вниз по сугробам, то приятного для него было мало.

— Так, брат, тебя точно засыпать могут и не заметят даже... Будешь, как медведь в берлоге, до весны лежать, — шутила с ним младшая сестра, когда он рассказывал ей, что повстречался со снегоочистителем.

— Ну и ладно, сестрёнка, отдохну, полежу до весны! Тебе же забот по дому меньше! — отвечал он ей.

ЦУМЗ — это Центральное управление машиностроительных заводов. Как говорил старший мастер, на нескольких предприятиях, ещё до войны, по заказу наркомата путей сообщения стали делать, помимо путеремонтных и путеизмерительных, ещё и снегоочистительные машины.

Кто, как не обходчик железнодорожного пути, видел, сколько неприятностей приносят снегопады и снежные заносы? Из-за них ломается график движения поездов, сотни людей и техника днём и ночью расчищают километры пристанционных и подъездных путей, перекидывают тонны снега на больших станциях, разъездах, перегонах.

С самой первой зимы его работы на железной дороге обходчик узнал, что такое борьба со снежными заносами. На открытых участках, в нескольких метрах от насыпи, защищая путь от заноса, путейцы ставили заградительные щиты. Сплошные тяжёлые и более лёгкие переносные, решётчатого типа. На особо продуваемых ветрами участках щиты по весне не убирали, и они стояли там круглый год. Огораживали пути от снега и «живыми щитами» — лесонасаждениями. Высаживали вдоль путей на определённом расстоянии и сосёнки, и молодые ёлочки. Ещё до Великой Отечественной войны по всей железной дороге стали организовываться производственные участки, занимающиеся лесонасаждениями. В начале пятидесятых годов такой участок был образован при конторе станции. Несколько человек из числа путейцев назначались туда на работу, и был у них свой мастер. Обходчик много раз встречался на перегоне с мастером участка лесонасаждений. Случалось даже, что они вместе выходили на обход и смотрели, в каких местах путь чаще заносит снегом. Подконтрольная территория мастера участка лесонасаждений был гораздо больше, чем у обходчика пути. Она простиралась на запад и на восток. На запад — до Бирюсинского моста, а на восток — до станции Разгон. Это более тридцати километров от Тайшетграда. Обходчик и не сравнивал свою работу с работой мастера лесонасаждений. Тот часто отправлялся на объезд на дрезине или ехал на определённый участок с хлебно-пассажирским поездом.

Лесонасаждения — ёлочки и сосёнки — бесполезно, защищали железную дорогу от заносов, но снег не только наметало на пути, он ещё падал с неба. И тут ничего нельзя было с ним поделать.

— Если только всю железную дорогу навесом накрыть! — шутил по этому поводу старший мастер.

Обходчик помнил, как ещё до революции расчищали снег с рельсов — с помощью ручных плужков. Работа была нелёгкой и малопроизводительной. Как рассказывали мастера пути, применяли для расчистки железнодорожной колеи и конную тягу. Запрягали лошадку, а то и две, и они тянули снегоочистительный плуг. Обходчик такой картины не видел, а вот как снег таял под воздействием паровозного пара, наблюдать ему приходилось. Специальный вагон, называемый снеготаялкой (или просто — таялкой), в паре с паровозом растапливал на путях снег. С помощью таялок очищали и переводные стрелки. Снег таял, но на рельсах и возле них образовывалась наледь, с которой тоже надо было бороться. Наверное, поэтому снеготаялка оказалась неэффективной и проработала на станции недолго.

За время работы на железной дороге обходчику пришлось наблюдать в действии разные снегоочистительные машины. Их называли и роторными, и плугами Бурковского. Работали на станции и плужные двухосные снегоочистители «Бьёрке» с ручным управлением. Проходили по его участку и снегоочистители, разбрасывающие снег в обе стороны. Но такой машине раздольно было там, где проходил один путь, а на двухпутке они не годились — снег отлетал и на соседнюю колею. Снегоочистители системы ЦУМЗ, отбрасывающие снег в одну сторону, казались обходчику самыми действенными в борьбе со снежными заносами.

Многое поменялось за его бытность на железной дороге. К 1959 году в паровозном депо появились и уже успешно работали новые необычные машины-локомотивы — тепловозы. Им, как паровозам, не нужны были уголь и дрова, а значит и кочегары. Тепловозы работали на дизельном топливе — солярке. Всё чаще и чаще тянули они, а не паровозы, по Транссибу пассажирские поезда, а при подаче вагонов на подъездные пути и формировании новых составов они были ловчее казавшихся теперь неуклюжими по сравнению с ними паровозов.

— У тепловозов тоже век недолгий, — говорило на планёрках железнодорожное начальство. — Скоро всех вытеснят электровозы. По стране идёт электрификация железных дорог, скоро придёт и к нам. Поставят высокие столбы, протянут провода, и под ними пойдут локомотивы, работающие от электричества.

Про электровозы показывали им кинофильм в клубе железнодорожников, и обходчик, глядя на новые машины, не представлял себе, как будут выглядеть станция и его участок, когда установят большие столбы-опоры и опутают всю дорогу проводами.

— Увидишь скоро, как будет! — улыбаясь, говорил ему старший мастер.— А увидишь — так и привыкнешь к такой картине. Быстро привыкнешь. Год-два пройдёт — будешь считать, что так всегда и было. Разве могли мы даже подумать ещё десять лет назад, что поезда пойдут от нас на север, к реке Лене? А вот ходят. И на юг скоро от Тайшетграда пойдут. От Абакана к нам железнодорожный путь планируют проложить.

Обходчик, как и многие старожилы станции, только покачивал головой, стараясь ничему не удивляться.

Будут, наверное, и электровозы, и окончательно уйдут за ненадобностью со станции и всей железной дороги неуклюжие паровозы. Но пока они, привычные ему паровозы, ещё работают, и помогают расчищать снег, и тянут от станции к станции грузовые и пассажирские поезда. И, наверное, без присутствия людей с лопатами и метёлками ещё долго не обойдётся железная дорога. Как бы ни убирал снегоочиститель снег с путей, а за ним подчищать лопатой всё же нужно.

Вот и сейчас, в декабре 1959 года, снегоочиститель, толкаемый паровозом, ушёл к Бирюсинскому мосту и пойдёт ещё дальше — за речку Бирюсу, к станциям Юрты и Ключи, а на перегонах остались рабочие-путейцы с бригадиром и мастером пути. Они подчищают снег с междупутий, топят печурки в избушках и в доме на седьмой версте.

2.

Протяжный гудок паровоза заставил людей остановить работу и перейти на свободный путь. Большинство путейцев с метёлками, ломami и лопатами встали на выступающие шпалы на краю второго пути, подальше от проходящего поезда. Некоторые спустились ниже по откосу, с обратной стороны идущего на восток поезда. Чтобы снег из-под колёс вагонов не летел им в лицо, они отвернулись и стали смотреть на заснеженную дорогу, замёрзший ручей и деревья чернеющего на горизонте леса. И только сигналист, строго следивший за безопасностью на путях во время снегоочистительных работ, замешкавшийся в этот раз и оказавшийся по левую сторону от движения поезда, стоял с развёрнутым жёлтым флажком, глядя на приближающийся паровоз.

Обходчик тоже сошёл на откос и встал метрах в трёх от сигналиста. Приближающийся паровоз, было видно, ещё больше сбавил скорость на повороте, и выискивающий сигналиста, видимо, сначала справа от движения машинист, увидев его на

откосе слева, понимающе приветливо махнул ему и дал ещё один гудок.

Когда последний вагон товарного поезда отошёл метров на пятьдесят, обходчик, вместе с сигнальщиком и несколькими путейцами поднялись снова на путь.

Не прекращающийся с утра снегопад сводил на нет снегоочистительную работу, но делать её — убирать с пути снег — было необходимо. Борьба со снегом велась на нескольких участках, и группы путейцев из пяти-семи человек работали друг от друга на расстоянии трёх-четырёх километров.

Обходчик здоровался со всеми, проходя мимо них. Кто-то кивал ему молча, кто-то махал рукой. Некоторые, останавливая работу, подходили к нему и здоровались за руку. Кто-то спрашивал закурить. На этот раз по пути туда и обратно обходчик спускался к каждому домику — стряхивал с одежды и валенок снег, проверял, как топят там печурки, грелся, пил чай, если ему предлагали.

Мысли его и при ходьбе, и в избушке, когда он разговаривал с путейцами или молча смотрел на огонь, подбрасывая поленья в топившуюся печку, вольно и невольно уносили в прошлое. Так же вольно и невольно сравнивал он времена прошлые с временем нынешним. И удивлялся переменам, и, как все пожилые люди, грустил о невозвратном.

3.

Перемены, перемены...

Жизнь меняется на глазах. Каждый год появляется новое и удивительное. Снегоочистители, путеизмерительные вагоны, тепловозы, электровозы, электрификация железных дорог, новые железнодорожные ветки, новые подъездные пути, новые предприятия: строительная организация, ремонтно-механический завод. И новые люди. Большею частью молодые грамотные инженеры.

Всё это радует и вдохновляет, хочется жить дальше, жить долго и увидеть новую технику, новые предприятия и других новых людей.

Такое же предчувствие счастья и желание жить было у обходчика перед войной. Тогда стала появляться на железной дороге новая техника, в городе строились новые дома и промышленные здания, приезжали новые люди: специалисты по пропитке шпал креозотом, мастера по ремонту подвижного состава. Город преобразовывался. Открылись сад железнодорожников и

железнодорожный клуб; вдоль новой улицы, названной именем поэта Пушкина, — городской парк; напротив него — стадион; между улицами Юго-Вокзальной и Кирова построили целый ряд магазинов — промтоварных и продуктовых, а на углу Кирова и Чапаева — первый в городе сложенный из камня кинотеатр. Казалось, что ещё немного — и придёт ко всем долгожданное счастье. Придёт постоянная, не проходящая радость жизни. Газеты писали о достижениях людей в труде: рекордах по добыче угля, небывалых ранее урожаях, росте производства и производительности труда.

Небывалый ранее урожай пшеницы собрали в 1940 году и на полях колхоза, где трудились его мать и отец. Вся Баера радовалась победе в районном соревновании. С лиц людей не сходили улыбки, и старики и старушки, не отставая от молодых, как будто сами помолодели каждый на несколько лет. Отец с большим желанием сделать что-то полезное для колхоза уходил на работу, и, глядя на него, никто не верил, что за его плечами восемь десятков прожитых лет. Да и мать была ему под стать в свои семьдесят четыре года.

Из района в Баеру специально прислали несколько грузовиков, и новый урожай повезли на только что открывшийся в районе новый элеватор торжественно, украсив борта автомобилей красными полотнами.

Наверное, это и было счастье. Счастье всеобщее, коллективное и счастье каждого в отдельности. Вся семья радовалась успеху колхозников.

Каждое утро, начиная с лета 1938 года, когда обходчик уходил на свой участок, его провожала бодрая музыка, слышимая на большое расстояние, из установленного на Базарной площади громкоговорителя. Дикторы под музыку призывали всех делать утреннюю гимнастику, звучали бодрые марши и песни:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

Когда вдогонку обходчику звучала эта поднимавшая настроение утренняя песня, ему казалось, что Москва — это его родной город и родной город всех советских людей и что она совсем рядом. Что стоит только дойти до Бирюсинского моста, перейти его — и выйдешь прямо на Красную площадь, к стенам древнего Кремля.

Песню любили все. Мастер путейцев белорус Алесь Тихонович, услышав её, подхватывал слова и вслед за певцом Наумом Хромченко, громко пел на свой лад: «Просыпается с рассветом Белоруссия моя!»

Сначала это вызывало улыбки на лицах железнодорожников, но потом обходчик стал замечать, что некоторые тоже переиначивают слова на свой лад: «Просыпаются с рассветом наши рощи и поля!», «Из Москвы летят с приветом на восток к нам поезда!». А кто-то напевал с юмором: «Просыпается с рассветом даже милая моя!» Сам обходчик, уходя на маршрут и слушая эту песню, подпевал тихо: «Просыпается с рассветом вся тайшетская земля!»

И это тоже было счастье.

4.

Ну а потом пришла война. И предчувствие счастья сменилось тревогой. Тревога поселилась в душе, а на плечи тяжёлой ношей легла непредсказуемость. И хотя бои шли за тысячи километров от Сибири: под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском,— война всё равно была близко, рядом с каждым человеком — колхозником, железнодорожником, строителем, молодым и старым.

Тревожное предчувствие беды нет-нет да и закрадывалось раньше. В 1939 году произошёл вооружённый конфликт СССР с Японией у реки Халхин-Гол, на территории Монголии. Тогда всё завершилось разгромом японцев и подписанием мирного договора. Поучаствовал в тех боях и племянник обходчика — сын старшей сестры, танкист. Перед войной, весной 1941 года, он приезжал в отпуск к родителям старшим лейтенантом, командиром танковой роты.

Племянник так и остался служить на Дальнем Востоке. Все годы войны с Германией на границах с Китаем и Монголией ожидали нападения японцев на СССР. Нападения не случилось, но племянник обходчика в августе 1945 года освобождал от японских захватчиков Монголию и Северный Китай. В следующий раз племянник приезжал в отпуск в 1946 году, имея уже звание майора и должность командира танкового батальона.

Но это было потом, уже после войны. А летом 1939 года мирный договор СССР подписал с Германией, и многим казалось, что войны уже не будет и не будет больше никаких межгосударственных конфликтов; однако в конце того же 1939 года осложнились отношения с Финляндией, и вспыхнул ещё один военный конфликт. Тогда тоже дело закончилось

подписанием мирного договора, но тревожное чувство нарастало, и война, настоящая война, уже стояла у границы.

— Не оставят нас в покое империалисты,— говорил старший мастер путейцам и обходчику, когда они встречались на перегоне.— Им наше социалистическое государство как кость в горле. Не сегодня, так завтра развяжут войну. Надо нам быть готовыми встретить их...

Слова старшего мастера путейцев не давали покоя обходчику, и он нет-нет да задумывался над ними и спрашивал себя и других: будет ли война?

Утром двадцать второго июня 1941 года, в воскресенье, обходчик прошёл свой маршрут и доложил начальству, что замечаний на его участке нет. Уходя домой, он встретил в коридоре станции встревоженного начальника вокзала.

— Война, брат ты мой! Война! — сказал на ходу, тяжело дыша, начальник.— Не сдержал Гитлер обещания, напал сегодня ночью... По нашему времени около девяти часов утра... Вот только сообщили...

5.

Война многое поменяла в жизни всех окружающих обходчика людей. Молодые почти все ушли на фронт. Приказом по наркомату путей сообщения в тылу по производственной необходимости оставили опытных машинистов паровозов, мастеров-ремонтников, путейцев, ценных специалистов по пропитке шпал на шпалозаводе. В колхозах дали «бронь» нескольким агрономам, зоотехникам и трактористам.

Рвался на фронт и каждый день ходил в военкомат сын соседки-барыньки Анны Георгиевны — Николай.

— Да что за должность у меня — заведующий клубом? — жаловался он соседу-обходчику, когда приходил проведать мать.— Любая мало-мальски грамотная баба может клубом заведовать. А я же бывший военный, партизан. Имею опыт, участвовал в боях. Мне всего-то сорок пять лет, вполне могу сам воевать и молодых учить, как это делать надо. А мне говорят: «Работай, ты нужен тут, поднимай детей...»

Николай Григорьевич, как показали дальнейшие события, действительно оказался очень нужным на месте заведующего железнодорожным клубом.

Новобранцы, призванные в армию, порою по двое суток ожидали прибытие своего эшелона, и концертная бригада

железнодорожного клуба давала концерты для них и в клубе, и на вокзале, и даже на перроне.

Железнодорожный клуб, выстроенный в начале тридцатых годов, состоял из деревянного здания с небольшим фойе, залом на сто мест, сценой и киноподкой. Располагался клуб по улице Транспортной, на въезде к вокзалу, рядом с железнодорожным садом. В штате клуба, помимо заведующего, состояло ещё три человека. Пятидесятилетний, высокий, кучерявый, темноволосый, хромой Валентин Чипанцев, получивший ранение в ногу ещё в Гражданскую, числился сторожем клуба и дворником. Его сорокавосемилетняя, не потерявшая красоты и привлекательности, супруга, которую все, от детей до стариков, звали просто Шурою, была кассиром и уборщицей. А семнадцатилетний паренёк Васька Рукосуев, закончивший перед войной курсы киномехаников, показывал вечерами солдатам, железнодорожникам и всем, кто приходил в клуб, художественные и документальные фильмы. Васька, хотя и был штатным работником железнодорожного клуба, частенько по распоряжению городского и районного отдела культуры привлекался как киномеханик крутить кино и в Дом культуры воинской части НКВД, и в клуб шпалопропиточного завода, а иногда и в центральный городской кинотеатр, где фильмы по праздникам и по воскресным дням начинались с десяти часов утра и заканчивались около полуночи. Киномехаников в городе не хватало, и Николай Григорьевич каждый раз, как у него забирали Ваську, ругался с начальницей городского и районного отдела культуры, убеждая её не дёргать его киномеханика, а оставить в клубе на его основном рабочем месте, добавляя, что по выходным и праздничным дням и в железнодорожном клубе тоже нужны утренние и дневные киносеансы и что он готов их организовать.

— Вы, Николай Григорьевич, делайте больше упор на концертную программу,— говорила ему главный культработник города и района по имени Надежда Васильевна.— Больше привлекайте людей в клуб на концерты. А с кино мы сами решим. Мне ещё, кроме Тайшетграда, надо обеспечить прокат фильмов в сёлах и посёлках района. У нас две кинопередвижки простаивают, и туда нужно киномехаников привлекать.

— Да с кем я концерты делать-то буду? — возмущался Николай Григорьевич.— Вы мне артистов не даёте. Я сам на сцене и за сценой то подпеваю, то в ладоши хлопаю. Всех своих работников, кроме Василия, на выступления привлёк. Уже и

детей своих соседей зазываю помогать. Два сына мои участвуют в концертах и племянник.

— Ну и хорошо! — кивала одобрительно заведующая культотделом. — Значит, воспитываете заодно и молодое поколение, укрепляете в них дух патриотизма, учите любить прекрасное!

И действительно, штатные работники железнодорожного клуба и дети заведующего клубом постоянно участвовали в концертах. Валентин Чипанцев играл на старой, доставшейся ему от его отца гармошке. Его жена, Шура, иногда подыгрывала мужу на другой, если удавалось на время выпросить ещё одну гармонь у кого-нибудь из жителей города. Шура как могла пела. Чаще одна, но бывало и на пару с мужем.

В этот вечер в танце карнавала
Я руки твоей коснулся вдруг,
И внезапно искра пробежала
В пальцах наших встретившихся рук,—

начинал Валентин.

Если любишь — найди,
Если хочешь — приди,
Этот день не пройдёт без следа.
Если ж нету любви,
Ты меня не зови,
Всё равно не найдёшь никогда,—

подхватывала Шура, а за ней половина зрителей, собравшихся на концерт в клубе или на вокзале.

А про синий платочек Шура Чипанцева пела одна:

Помню, как в памятный вечер
Пал платочек твой с плеч,
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь.

Песня про синий платочек каждый раз заканчивалась долгими аплодисментами. Женщины не сдерживали слёз и кричали: «Молодец, Шурочка!» Шуре это нравилось. Она улыбалась и, забрасывая свою длинную толстую пшеничную косу через плечо себе на грудь, долго кланялась зрителям.

С музыкальным номерами выступал на концертах и средний сын заведующего клубом, четырнадцатилетний Женька.

Он выучился играть на балалайке «Яблочко» и «Ах вы, сени, мои сени». Бойкий паренёк с балалайкой садился на табуретку посередине сцены и без объявления начинал играть. И тут же рядом с ним появлялись в белых рубашках и бескозырках два его старших брата — родной Коля и двоюродный Санька. Коля с Санькой ходили вокруг балалаечника, сначала подбоченившись, а потом, по мере того как Женька входил в азарт и бил по струнам сильнее, начинали приседать.

— Эх, яблочко, да на тарелочке!.. — выкрикивал из-за кулис в зал Николай Григорьевич, а за ним и супруги Чипанцевы.

Когда Женька играл «Сени», Коля с Санькой выбегали на сцену с белыми платочками и крутили их над головой.

Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решётчатые! —

напевала громко в такт танцующим и балалаечнику из-за сцены Шура.

— Эх! Эх! Эх! — хлопали в ладоши и выкрикивали сторож клуба и заведующий.

«Яблочко» и «Сени» тоже пользовались успехом у зала. Многие зрители сопровождали танцы хлопками, а наиболее смелые выкрикивали: «Эх! Эх! Эх!»

Часто зрители просили юных артистов повторить номера. И радостные и счастливые в этот момент подростки кланялись публике и с согласия Николая Григорьевича исполняли просьбу зала. И снова Женька уверенно бил по струнам балалайки, а Коля и Санька приседали в бескозырках и махали белыми платочками.

Но гвоздём программы в конце небольшого концерта была песня, которую исполняли все его участники. По задумке Николая Григорьевича, артисты выстраивались на сцене рядами. Впереди стояли жившие недалеко от дома заведующего клубом по улице Партизанской три брата Козодоевых. Двенадцатилетний Степан и десятилетний Серёжка выдвигали вперёд, почти к краю сцены, семилетнего Витальку. За ними вставали Женька, Коля и Санька. А в последнем ряду — взрослые: супруги Чипанцевы и сам Николай Григорьевич.

Валентин растягивал гармонь, а маленький Виталька Козодоев начинал тоненьким, но звонким голоском:

Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди!
Навеки умолкли весёлые хлопцы,
В живых я остался один.

Со следующего куплета подключались Степан и Серёжка:

Орлёнок, орлёнок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Третий и четвёртый куплеты пели уже все участники концерта. Голоса Шуры, Валентина и Николая Григорьевича, сливаясь с детскими, не заглушали их, а придавали песне новый патриотический колорит.

Орлёнок, орлёнок, гремучей гранатой
От сопки врагов отмело.
Меня называли орлёнком в отряде,
Враги называют орлом.

Орлёнок, орлёнок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

В этом месте зрительницы обычно начинали плакать и тихо, вытирая слёзы, подпевать артистам. Песня пробивала чувства и немногих мужчин, пришедших на концерт. Они вместе с подростками громко выкрикивали слова очередного куплета, порой заглушая стоящих на сцене:

Орлёнок, орлёнок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат комсомольцы-орлята,
И жизнь возвратится ко мне.

Заключительные слова пел весь зал, стоя и аплодируя:

Орлёнок, орлёнок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна!

Последние две строчки песни повторялись всем залом по нескольку раз.

Обходчик часто бывал на концертах и в клубе железнодорожников, и на вокзале, и видел, как артисты выступали на перроне перед солдатами, уезжающими на фронт.

Несколько раз он встречал в фойе клуба соседку Анну Георгиевну, пришедшую посмотреть на сына и внуков. Иногда на концерт приходила заведующая отделом культуры города и района Надежда Васильевна. Как и все женщины в зале, она тоже подпевала артистам и вытирала платочком слёзы. Наведывались в клуб и руководители местных железнодорожных предприятий: начальники станции, путейской части, паровозного депо, вагонных мастерских и даже директор шпалопропиточного завода.

Шпалопропитчики перед войной построили свой клуб. В длинном одноэтажном здании недалеко от проходной завода располагались библиотека, бильярдная, буфет. Чтобы войти в клуб, нужно было сначала преодолеть высокое крыльцо на шесть ступенек. На широкой площадке перед входом, огороженной перилами, стояли скамейки, где перед началом сеанса можно было посидеть на свежем воздухе рядом с зарослями черёмухи или покурить. Светлое фойе с двумя большими окнами, через которое зрители проходили в кинозал на сто пятьдесят мест, в дни выборов депутатов в Верховный или местные советы становилось избирательным участком. В такие дни в клубе всегда было многолюдно. Проголосовавшие обычно торопились в буфет, где тоже было много народа и найти свободный столик сразу получалось не у всех.

На заводе была своя художественная самодеятельность, и заводчане нечасто, но тоже давали свои концерты. До войны клуб шпалопропиточного завода пользовался даже большей популярностью, чем клуб железнодорожный. По воскресеньям там перед каждым киносеансом в фойе играл духовой оркестр и выступали артисты. В основном пели песни и частушки. Но когда началась война, все до одного мужчины — артисты и музыканты — ушли на фронт. В коллективе художественной самодеятельности остались только женщины. В военные годы, при содействии профкома завода, в клубе шпалопропитчиков проходили небольшие концерты в День железнодорожника, в День Красной Армии и на Первое мая.

В День Красной Армии и на Первомай открывал двери для всех желающих и Дом культуры «Дзержинец» воинской части НКВД. Там тоже на входе встречал всех духовой оркестр, сохранившийся и в военные годы.

Обходчику случалось быть и в клубе шпалопропиточного завода, и в большом Доме культуры воинской части, тоже с просторным светлым фойе, буфетом и залом на двести пятьдесят мест. Там было по-своему интересно, но всё-таки свой железнодорожный клуб и его коллектив обходчику нравились больше.

До войны и у железнодорожников был духовой оркестр. Музыканты репетировали зимой в красном уголке станции, а летом на эстраде железнодорожного сада. Играли они на День железнодорожника и на танцевальных вечерах, которые проводились в выходные дни летом. А руководил ими, насколько знал обходчик, директор железнодорожного сада.

Война сделала свой расклад. Сад отдали в распоряжение заведующего железнодорожным клубом, музыканты ушли на фронт, а их трубы, кларнеты и саксофон хранились теперь в красном уголке станции.

В 1942 году в сторону Иркутска пошли с запада санитарные поезда, и дел у работников железнодорожного клуба прибавилось. Некоторые из этих поездов останавливались, пропуская спешащие на фронт составы, и простаивали на запасных путях станции по три-четыре дня. И тогда Николай Григорьевич со своим коллективом, не считаясь со временем, устраивал концерты для раненых бойцов и медицинского персонала. Артисты сами на скорую руку оборудовали площадки для выступления, выбирая место около запасных путей, где стояли поезда, и начинали концерт, иногда даже не предупредив зрителей. Бывало, что к тяжелораненым в санитарные вагоны поднимались Валентин и Шура Чипанцевы и пели там для них «Синий платочек».

А однажды, летом 1942 года, когда на станции остановились сразу три воинских эшелона и два санитарных поезда, заведующей отделом культуры пришла в голову мысль сделать для отбывающих на фронт и раненых сборный концерт. Для этого она пригласила в подмогу артистам железнодорожного клуба духовой оркестр и солиста из Дома культуры «Дзержинец», а также двух голосистых певиц из художественной самодеятельности шпалопропиточного завода. Общее руководство сборным концертом было поручено Николаю Григорьевичу, и он отлично справился с поручением. Без репетиции, на ходу составив репертуар, сначала рассадил на перроне вокзала на скамейках и табуретках музыкантов, а когда те заиграли, стал объяснять остальным, что им, когда и как делать.

Это был незабываемый для всех присутствовавших концерт, о котором долго вспоминали и после войны.

Сначала грянули трубы, и над перроном, над вокзалом взлетела музыка и понеслась по железной дороге на восток и запад, поплыла по улицам Тайшетграда, залетая в открытые окна домов:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

С самых первых аккордов музыки слова «Песни о Родине» из всеми любимого кинофильма «Цирк» стали напевать десятки людей, собравшихся вокруг музыкантов.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

На музыку и песню шли, тянулись новые люди с улиц города, от дальних вагонов стоявших поездов.

А оркестр, не умолкая, играл, сопровождая песни своего солиста и артисток из клуба шпалопропиточного завода. И «Синий платочек» Шура пела под музыку труб вместе с солистом из ДК «Дзержинец», а пытающийся подыгрывать на старой гармошке Валентин Чипанцев подозрительно сверху вниз смотрел на невысокого капитана, стоявшего рядом с его женой, улыбающегося и подмигивающего Шуру.

Ещё дважды жители Тайшетграда собирались на большие концерты на свежем воздухе.

Следующий сборный концерт, но уже с большим количеством участвующих, состоялся в июне 1945 года. В Москве в тот воскресный день прошёл Парад Победы, а в Тайшетграде, в железнодорожном саду, — большой концерт.

Люди спешили на музыку духового оркестра в железнодорожный сад. Все скамейки возле эстрады были заняты уже в первые минуты, и пришедшие чуть позже становились полукругом в несколько рядов за сидевшими. Припоздавшие, отчаявшись пробраться ближе к эстраде и увидеть артистов, садились на расположенные вдоль дорожек сада скамейки и издали слушали музыку и песни.

Но, пожалуй, самое грандиозное культурное мероприятие с большим скоплением народа прошло в один из воскресных дней июля 1945 года.

Из Москвы на Дальний Восток ехал Краснознамённый ансамбль красноармейской песни и пляски, и — по своей инициативе, по приказу ли свыше или по просьбе городского и районного начальства — на несколько часов артисты задержались в Тайшетграде.

Сначала решено было выступление артистов провести на эстраде железнодорожного сада, где, конечно же, не смог вместиться весь коллектив ансамбля. На сцену вышли около двадцати певцов и музыкантов и около десятка танцоров. Железнодорожный сад в считанные минуты, как только разлетелась весть о приезде московских артистов, заполнился людьми. Военные, железнодорожники, женщины и мужчины в штатском, подростки стояли на всех дорожках сада, начиная от входа. Ребятня забиралась на невысокий забор сада, пытаясь усидеть на штакетнике, выломав его в нескольких местах.

Концерт уже было начался, но вскоре был остановлен и перенесён на перрон, где уже выстроился весь Краснознамённый ансамбль и вышли все танцоры. Такого скопления народа обходчик потом ещё долго не видел. На концерте было столько военнослужащих, что, казалось, весь личный состав воинской части НКВД прибыл поддержать своих товарищей — артистов в военной форме. Немногим меньше на перроне было людей и в железнодорожной форме.

Перрон вокзала в Тайшетграде будто бы специально строился для большого скопления людей. От здания вокзала до первого пути было около тридцати метров, а чуть восточнее вокзала, напротив виадук — перехода через пути над рельсами, построек не было, и перрон расширялся ещё метров на сорок — до улицы Северо-Вокзальной. Вот на этой площадке и выстроился Краснознамённый ансамбль с певцами, музыкантами и танцорами.

Зрители в несколько рядов окружили выступающих, заполнили все ступеньки виадук, несколько смельчаков забрались на крышу вокзала и смотрели концерт оттуда.

На крышу вагона проходящего и остановившегося на пять минут пассажирского поезда, чтобы сфотографировать ансамбль и всех желающих, окруживших артистов, после концерта забрался и фотокорреспондент местной газеты, чуть было не уехавший в сторону Иркутска. В газете потом на первой странице появилась фотография. И хотя она была большой — почти на треть страницы, лица некоторых людей узнать было сложно, но обходчик себя отыскал, запомнив, что стоял близко от заведующего клубом и

начальницей городского и районного отдела культуры. Не один раз потом он с гордостью доставал этот номер газеты и тыкал пальцем в одну из фигурок, показывая снимок своим родным и знакомым.

Какова была роль в организации этого грандиозного по меркам города и района концерта заведующей отделом культуры и заведующего железнодорожным клубом, обходчик не знал, но догадывался, что без их усилий не обошлось. И он радовался тому, что в первый послевоенный год и Надежда Васильевна, и Николай Григорьевич в День железнодорожника были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». Медаль вручал им и лично прикреплял на грудь сам первый секретарь районного комитета партии.

6.

Война, война...

Как хочется забыть обходчику эти годы. Большая беда, можно сказать, обошла его родных стороной. Воевавший артиллеристом племянник — сын младшего брата со станции Зима — был контужен, а затем тяжело ранен в левую руку. Он вернулся домой в конце 1944 года. Покалеченный, но живой. А сколько молодых ребят, которых увозили на запад из Тайшетграда воинские эшелоны, не вернулись в родной город, оставшись навечно лежать в Белоруссии, на Украине, в Польше, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Германии... Сколько безногих и безруких солдат привозили поезда после Победы в мае, июне, июле, августе 1945 года. Их высаживали из вагонов на перрон, и на некоторых из них было тяжело смотреть. Их никто не встречал, а они не знали, куда им идти. Примерно с десятка человек почти месяц жили в зале ожидания вокзала и кормились тем, что им подавали отъезжающие на поездах пассажиры и сотрудники железнодорожной милиции. Только у двоих или у троих нашлись позже родственники и забрали их к себе. Остальных определили в дома инвалидов — увезли в Нижнеудинск и Тулун.

Май 1945 года принёс много радости и вселил надежду на светлое, хорошее будущее.

— Разбили фашистов проклятых! Вот теперь-то заживём как надо! Никто не помешает строить нам социализм! — говорили уверенно многие железнодорожники между собой и на собраниях, обещая работать ещё лучше, чтобы приблизить светлое будущее. Своё и своих детей.

Радость от победы над фашизмом в Великой Отечественной войне притупилась в августе победного года, когда

началась война с Японией. Снова в дома жителей Тайшетграда пришли похоронки, снова в глазах людей появилась тревога. Но ненадолго. В сентябре война завершилась.

«А ведь Краснознамённый ансамбль красноармейской песни и пляски не случайно ехал в июле на Дальний Восток, — размышлял про себя обходчик. — Артисты-то, наверное, и не знали, что едут выступать перед теми, кто скоро пойдёт воевать с японцами. Да и никто не знал, наверное, кроме руководства страны».

Все четыре года войны отец и мать обходчика, несмотря на почтенный возраст, трудились в колхозе — на полях и на ферме родной Баеры. Отец до конца жизни не оставлял работы и умер на работе, в возрасте девяноста двух лет, в 1952 году, разгружая сено с подводы. Упал прямо на сено с вилами в руках. До девяноста одного года дожила и мать. Она до последнего дня оставалась в своём доме в Баере, не желая слышать о переезде к детям в город. В последние два года с ней каждый день была старшая сестра обходчика. Теперь в родном их доме в Баере никто постоянно не живёт. Зимой он пустует, а летом сёстры и зять, приезжая туда, сажают картошку в огороде, разбивают парники и грядки. Иногда ночуют. Не каждый год, но, бывает, наведывается на недельку-другую со станции Зима в родное село младший брат обходчика, с женой, с детьми и внуками, и тогда снова наполняется жизнью старый родительский дом.

7.

Он заканчивал свой обход, приближаясь к западному переезду, когда по соседнему пути его обогнал возвращающийся на станцию снегоочиститель.

Обходчик шагал к конторе станции, и параллельно с ним шагал по планете декабрь 1959 года. Шли последние дни последнего месяца года. Приближался новогодний праздник, новый год с непривычной ещё предпоследней цифрой «шесть» в календаре.

Календарь (численник, как говорил его отец) за 1960 год уже был куплен обходчиком и лежал до поры в тумбочке на кухне. Ещё несколько дней — и он сменит исхудавший отрывной календарь 1959 года и займёт своё место возле кухонного стола, на стенке между окном и входной дверью. Там, где висели уже десятки численников-календарей в десятые, двадцатые, тридцатые, сороковые и пятидесятые годы. Всё время, сколько жил обходчик в доме по улице Северо-Вокзальной.